

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ПРОФЕССИЙ И ТЕХНОЛОГИЙ В СССР

УДК 94(470+571)'' 1950/1960'':316.346.2-055.2

doi 10.17072/2219-3111-2020-4-5-15

«ЗАНИМАЛАСЬ ХОЗЯЙСТВОМ»: ДОМАШНИЕ РАБОТНИЦЫ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ РОССИЙСКИХ ЖЕНЩИН-ИСТОРИКОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА¹

Н. Л. Пушкарева, О. И. Секенова

Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 119334, Москва, Ленинский пр., 32А
pushkarev@mail.ru
jkzkray@mail.ru

Рассмотрены практики совмещения профессиональной деятельности и домашней работы русскими и советскими женщинами-историками конца XIX – первой половины XX в. На основе анализа дневников, воспоминаний, писем была предпринята попытка реконструировать принципы и стратегии, помогавшие успешным российским женщинам-историкам справляться с их профессиональными и домашними обязанностями в изменчивом социально-политическом контексте. Обсуждена проблема найма домработниц в советском обществе 1920–1940-х гг., изучены психологические барьеры и страхи женщин-интеллектуалок как следствие несоответствия декларируемого властью и реального положения дел в сфере защиты лиц наемного труда, сопоставлены приемы использования прислуги семейными и одинокими женщинами-учеными, выявлены перемены в отношениях домработниц и их нанимательниц под влиянием государственной политики, а также в практиках распределения домашних обязанностей и в организации пространства совместного проживания семей хозяев и прислуги. Проанализирована трансформация бюджета времени женщины-историка на разных этапах ее карьеры, а также изменения в распорядке дня женщин-исследовательниц с дореволюционной эпохи до наших дней, выявлена зависимость между делегированием домашних дел прислуге или родственникам и успехами в карьере. Профессиональные достижения женщин высших классов рассматриваются через призму использования женского наемного труда как средства избегания «конфликта полов», а практика найма домашних работниц и нянь – как признак сохранения дореволюционных практик в среде советской номенклатуры, показатель элитарности в семье, где женщина профессионально занималась наукой. Использование наемного труда в домашнем быту становилось социально одобряемой стратегией в среде научной интеллигенции.

Ключевые слова: гендерная антропология, женская история, женщины-историки, повседневность 1950–1960-х гг., домашние работницы.

История женской социальной мобильности в 1900–1950-е гг. прослежена в художественной литературе (от Ф.М. Достоевского до Ю. Трифонова), в кино («Дом на Трубной», «Светлый путь»), в диссертационных исследованиях [Клоц, 2012]. Для массы «простых» женщин попадание в элитарную городскую семью и среду было социальным лифтом, позволявшим увидеть новые жизненные горизонты. Для аналитика «история домашней прислуги» – это история практик сохранения неравенства, изменения форм отношений между продающими и покупающими индивидуальный труд (в советской историографии в этом случае педалировалось понятие «эксплуатация», критиковавшееся западными историками [Фицпатрик, 2001, с. 149]). Это также история изменчивого соотношения *нормативно-государственного* либо предписанного традиционными повседневными практиками, принятыми в определенном социальном слое, и *индивидуального*, основанного на эмоциональной привязанности и эмпатических, квазисемейных или квазиродственных отношениях [Kelly, 1997]. Однако указанная «история домашней

прислуги» изучена скорее со стороны «золушек», работавших на своих нанимательниц [Самарина, 2019], чем со стороны «хозяек» [Верёменко, 2019].

Совмещение интеллектуального труда и домашних обязанностей – проблема, знакомая всем женщинам, занятым в сфере науки. Как разрешали ее интеллектуалки прошлого, русские и советские женщины-историки столетие и больше назад? Было ли ощутимым воздействие на этот процесс событий второй половины XIX – начала XX в. – обеспечения доступности высшего образования для женщин, рождения женского движения, активистки которого выступали за предоставление женщинам гражданских прав, в том числе права заниматься наукой? Как социально-политический контекст влиял на режим дня и распределение времени тех представительниц интеллектуального труда, кто решился считать свою научную работу важной составляющей личностной самореализации? И заметны ли особенности использования услуг домработниц в семьях русской научной интеллигенции? Поскольку материальное благосостояние и распределение благ в семьях российской и советской научной интеллигенции на рубеже XIX и XX вв. и в ранее советское время уже отчасти исследованы [Лебина, Чистиков, 2003; Пушкарёва, 2016], стоит рассмотреть частный случай социальной истории российского прислужничества – практику распределения трудовых и экономических ресурсов между членами семьи, влияние института домработниц на образ жизни интеллектуалок первой половины XX в. В данной статье речь пойдет о практиках взаимодействия женщин-историков и прислуги в первой половине XX в. как о частном примере, позволяющем судить о повседневных проблемах российских женщин-ученых. В данном случае необходимо понимать, что эгодокументы «хозяек» являются в первую очередь нарративным источником, содержащим информацию о том, как нанимательницы относились к своим домашним работницам, какими принципами руководствовались при распределении домашних обязанностей и что не удовлетворяло их в отношениях с прислугой, тогда как о мыслях самих домашних работниц в интеллигентных семьях мы знаем только со слов их хозяек.

Возникнув в древности в результате отделения рабочего места от места проживания, домашний труд при разделении работы на *видимую*, вознаграждаемую, и *невидимую*, принимаемую как должное, попал во вторую категорию. Он оставался «невидимым» (а подчас и непроговоренным), пока его выполнял кто-то из членов семьи [Burnett, 1974, p.135], как правило, женщина. И со времени возникновения частной собственности высокий достаток был основанием для найма помощников в работе по дому. Традиция предполагала большее взаимодействие с этими помощниками именно женщин [Ярская-Смирнова, 2002, с. 88–90; Верёменко, 2013], ее следствием оставалось распределение семейных ролей в привилегированных сословиях русского общества и на рубеже XIX и XX вв., в том числе в семьях российских ученых. Жены больше, чем их мужья, взаимодействовали с прислугой; эгодокументы свидетельствуют об «особости» взаимоотношений хозяек и помощниц, эмоционально-окрашенном отношении к домашнему труду, равно как и о постоянном желании делегировать кому-то хоть часть его.

Обобщая биографические траектории дореволюционных женщин-историков, заметим: почти все они происходили из состоятельных семей. Получение высшего исторического образования в 1900-х гг. на женских курсах и позднее редкие случаи обучения вместе с мужчинами на историческом факультете были привилегией женщин высших сословий, закончивших до поступления в вуз гимназию или сдавших экзамены экстерном [Минеева, 2012, с. 247]. Финансовый вопрос остро стоял для слушательниц словесно-исторических отделений Высших женских курсов (далее – ВЖК): многие из них хотели получить высшее образование, дабы преподавать в женских гимназиях. Рассчитывать на удачное замужество или большое наследство они не могли или не хотели, полагая, что прокормить должна работа.

Сравнение материального положения слушательниц ВЖК Санкт-Петербурга, Москвы, Казани, Киева показывает, что были они самого разного достатка. Случалось, что девушки жили с родителями и чувствовали себя обеспеченными, а были и весьма нуждающиеся [Федосова, 1980, с. 42]. Первая известная нам преподавательница истории в вузе, Е. Н. Щепкина (родилась в Санкт-Петербурге, училась в Москве, вернулась в Санкт-Петербург для преподавания на ВЖК, открывшихся там в 1878 г.), отмечала: «На московских курсах и речи не могло быть о голодающих, здесь [же] они встречались нередко, случались даже смерти от голода, от истощения». Одна из дальних родственниц самой Е.Н. Щепкиной начала жизнь в столице с продажи

парикмахеру на Невском «великолепной длинной косы» (РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 1. Л. 9). В 1880-е гг. из-за дороговизны арендной платы за помещения курсистки естественного отделения занимались с 10 до 14 часов дня, а с 14 до 18 часов уступали место «словесницам», в том числе будущим женщинам-историкам (РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 131. Л. 8).

Свободным временем курсистки распоряжались тоже по-разному: кто-то работал, чтобы иметь возможность содержать себя и оплачивать учебу на курсах (строгого контроля за посещением занятий, какой был на Высших медицинских курсах для женщин [Руднева, 2012, с.92], на Бестужевских, готовивших будущих историков, не было), кто-то участвовал в общественной жизни (становился членом женских союзов, клубов, партий [Пушкарева, Пушкарева, 2020]), иные просто общались, развлекались [Громова, 2016]. Либеральный дух ВЖК нередко влиял на обеспеченных студенток: они отказывались от материальной поддержки семьи, объединялись в коммуны и обучались в них ведению хозяйства и разрешению бытовых проблем. «Бойкий медицинский студент-еврей нанял на паях скромную квартиру и привлек туда двух искавших комнату курсисток, – вспоминала Е.Н. Щепкина, – они получили по отдельной комнате, а студенты жили по двое в больших. Кто-то приходил к ним иногда прибираться, носить дрова, [но] топили сами, сами грели воду в кухне. Общей еды не заводили» (РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 131. Л. 10). Показательно, что разделения на «мужские» и «женские» дела не было, иначе бы Е.Н. Щепкина, автор доклада о женском крестьянском труде на Первом Всероссийском женском съезде 1908 г. (Щепкина, 1998), регулярно отмечавшая в своих научных статьях бытовые мелочи (РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 39–40), обязательно сказала об этом. Более тяжелый труд (уборка квартиры, заготовка дров) выполнялся нанятыми лицами, подобно тому, как это написано Н.С. Лесковым в романе «Некуда» о радикальной Знаменской коммуне: в ней тоже была прислуга, обеспечивавшая комфортный быт «коммунаров» (Лесков, 1864). Использование наемного труда в домашней жизни представительниц интеллигенции и мещан было не только допустимым, но и обыденным даже в кругах радикальной молодежи [Rustemeyer, Siebert, 1997, S. 53]. При этом из обихода вышли помощники с узкой специализацией (кухарки, уборщицы, прачки), все предпочитали прислугу, которая могла бы выполнять все операции [Веремenco, Тропов, 2001, с. 55–63].

Профессиональное стремление женщин высших классов было, таким образом, обеспечено низкооплачиваемым трудом «работавших в частном услужении»; это обычное внутригендерное неравенство – средство избегания конфликта полов (и потому так редки были попытки вовлечь в эту сферу мужей, мужчин). Жизнь вскладчину обучала будущих подвижниц науки брать часть домашней работы на себя, однако и бестужевки, и гизотки (так называли себя московские курсистки – РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 3. Л. 112) из зажиточных семей имели возможность полностью отдаваться своим исследованиям [Пушкарева, 2017, с.120]. Хуже было тем, кто для поступления на ВЖК порывал с семьей и вынужден были обеспечивать себя; они больше волновались по поводу бытовых проблем, чем мечтали о прорыве в науке. Порой бытовая проблема сопровождала всю жизнь: этнограф А.Я. Ефименко образования на курсах не получила, интерес к научной работе обрела под влиянием супруга, ссыльного П.П. Ефименко; материальный уровень семьи был таков, что женщине самой нужно было зарабатывать научной деятельностью на всё: на прислугу (если хватало), на обеспечение больного мужа и на детей (Багалий, 1930, с. 13). Большинство же первых российских женщин-историков могли не слишком беспокоиться о куске хлеба и посвящать научной работе все мысли и свободное время. Так, преподавательницы истории на ВЖК – девять в Санкт-Петербурге [Вахромеева, 2018, с. 353–4480] и двое (Е.Н.Елеонская, В.Н.Харузина) в Москве (ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 1. Д. 126. Л. 21–26об.) – были финансово независимыми, могли себе позволить иметь прислугу и, руководя ею и домашним хозяйством, самыми затратными по времени домашними делами не занимались. Как и их товарки из среды городской интеллигенции, они использовали наемный труд (кухарок, не только готовивших, но и закупувавших продукты, уборщиц, нянек для детей) во имя создания условий для своей научной деятельности [Pushkareva, 2017]. Заметим при этом, что с 1897 до 1917 г. работа прислугой была самой распространенной женской профессией (1,3 млн. женщин, или 41% «самостоятельного» женского населения (Распределение рабочих и прислуги..., 1905, с. VI–VII) [Кончаковская, 2018, с. 104–105].

Великая революция 1917–1922 гг. и последовавший за нею «большевистский эксперимент» перевернули привычный образ жизни всех социальных слоев. Отказавшиеся от эмиграции и вынужденные приспособляться к новым житейским обстоятельствам российские женщины-ученые должны были взять на себя бытовые вопросы организации повседневной жизни. Привычка использовать наемный труд не исчезла, но число помощниц сократилось, и они все более обучались умению формулировать свои права (О митинге прислуг, 1917, 12 марта, с. 3) [Клоц, 2012, с. 23]. Дневник исследовательницы русско-британских отношений И.И. Любименко, сохранившийся в Санкт-Петербургском филиале архива РАН, содержит описание первых послереволюционных лет как самого тяжелого периода ее жизни (СПбФ АРАН. Ф. 885. Оп. 1. Д. 219. Л. 1–2). L'écriture féminine автора (всегда предполагающего наличие эмоционального контекста: описания отношений с близкими, рассуждения о собственном бессилии) выплеснулось во множество строк о «жизни чувств» (размолвке с мужем, несчастливой влюбленности, тяжелой болезни), осложненной бытовой неустроенностью. Прожившая до сорока лет в условиях материального благополучия, ученая была вынуждена взять на себя обязанности, ранее выполнявшиеся прислужкой (хотя был и муж, В.Н. Любименко, зав. биологической станцией [Самочкин, 2014], но его оклада на домашних помощниц не хватало). «Два с половиной года без прислуги, когда я была физической работницей в доме, утомили меня физически», – грустила И.И.Любименко, признаваясь тут же, что «физическая работа отвлекала» от излишней сосредоточенности на чувствах (СПбФ АРАН. Ф. 885. Оп. 1. Д. 202. Л. 336).

С окончанием Гражданской войны и повышением уровня жизни горожан институт прислуги окреп. Услугами помощниц стали пользоваться жены работников номенклатуры, а потом и служащие [Фицпатрик, 2001, с. 121–122]. Термин *прислуга* ушел из обыденной речи, его заменили на «идеологически выдержанный» – *домашняя работница или домработница*. Одновременно с феминизацией профессии прислуги советская власть пыталась осуществить легитимизацию в общественном сознании статуса домработницы в домах номенклатуры и служащих как соответствующего социалистической идеологии, а не как пережитка эксплуатации и царизма. Этот процесс проходил путем институциональной легитимизации (через профпросвещение и культпросвещение, реализуемые Нарпитом – профессиональным союзом работников народного питания) с использованием публичной дискуссии об улучшении быта домработниц при советской власти в прессе и создания персонажей-служанок в советском кинематографе [Клотс, 2017, р. 118, 121, 244–258]. Несмотря на попытки включить наемный домашний труд в систему социалистической экономики, до распада СССР он зачастую находился в теневом секторе [Ткач, 2009, с. 138, 148].

Показателен опыт отношений с домработницами одной из первых женщин-академиков по отделению истории, М.В. Нечкиной (1901–1985). Происходившая из семьи инженера-технолога, она до революции росла в доме, в котором прислуга была обыденным явлением; ее часто вспоминала в письмах, особенно няню Феню (Ф.М. Переднину), вырастившую сестер Нечкиных и обучившую их выполнению нехитрых домашних дел (потому в тяжелые для семьи 1915–1921 гг. девушки их не чурались) (Нечкина, 2013, с. 69). Как и И.И. Любименко, М.В. Нечкина полагала, что умственный труд отвлекает от бытовых проблем и даже от голода. Но едва М.В. Нечкина переехала в Москву в начале 1920-х гг. и стала жить отдельно от матери, она сразу стала искать домработницу; труд последней был еще более востребован, когда она в 1925 г. вышла замуж за химика Д.А.Эпштейна. Оба нуждались в свободном времени для исследований. В 1928 г. в письме к мужу она писала: «Встаю я часов в 10 утра, прибираю комнату и завтракаю. Позавтракав, отправляюсь по делам, которых никак не переделаешь – или сначала занимаюсь, а потом иду по делам» (АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 431. Л. 36–36об.). В письмах 1920-х гг. М.В. Нечкина часто возвращалась к теме помощи по дому: львиную долю времени занимали в семье молодых ученых хлопоты об улучшении жилищных условий. Детей у пары не было, все время тратилось на исследовательскую, редакторскую и преподавательскую (Институт красной профессуры) работу.

Делегирование домашних дел наемным работницам было для М.В. Нечкиной залогом возможности творить. Даже в период безденежья она не отказывалась от прислуги, при каждом случае обсуждая ее кандидатуру с няней Феней. «У меня новая прислуга – Наташа. Она комсомолка, ей всего 20 лет. Она все хорошо делает, только очень рассеянная и часто все забывает»

(Там же. Л. 17об.); «Наташа моя очень плохо стирает, прямо чистое с ней горе. Все у нее линяет. Я сшила новый халатик для умыванья, перед шитьем я в кипятке стирала пробный лоскуток – ничего не линяло. Она раз постирала – и такая гадость, что на новую вещь глядеть не хочется» (Там же. Л. 21).

Действительно, работа прислуги считалась несложной, большинство трудоустраивающихся полагало, что обучиться ей можно на месте. Но не знавшие норм городской жизни и обязанностей прислуги крестьянки не удовлетворяли требованиям работодателей: не умели вести себя в доме, ухаживать за домашними вещами и одеждой, приготовить даже самый «легкий» городской обед. А на них кроме стирки и уборки возлагалось «доставание» продуктов, стояние в очередях. После войны в условиях дефицита продуктов и товаров умение получить то, что «выбрасывали» на прилавки, было особенно ценным, в связи с чем М.В. Нечкина писала, что домашняя работница Даша, простояв в одной из очередей, «могла взять хоть все мясо цыплят», но «она неизвестно почему взяла только одного цыпленка и "закатилась" за прочими вечером, когда их уже не было» (Там же. Л. 231–232). Недовольство прислужгой объяснялось еще и тем, что, великолепно умеющая организовать свое время, М.В. Нечкина испытывала раздражение от неумелости и явной ленцы прислужниц. Выполняя любую домашнюю работу лучше домработницы, она брала на себя подобные обязанности в редкие периоды отдыха от научного труда, например, в санатории для научных работников в Теберде. «Комнату прибираю сама, – писала она, – уборщица здесь одна, ее не допросишься. Да к тому же у меня большое нежелание затруднять себя с ключом. Посему я съездила в аул, в кооператив, купила мешок, половую тряпку и веник, и ежедневно сама выметаю и мою пол». Супруг М.В. Нечкиной поддерживал стремление жены тратить время на науку (а не на уборку) и упрекал её в излишнем рвении в домашних делах (Там же. Л. 72).

Интеллектуальный труд в годы советской власти был маркером принадлежности к элите; женщины, занятые научной работой, считали найм домашней прислуги нормальной практикой, позволявшей освободить время для исследовательских занятий. О том говорят эгодокументы других женщин-историков. Родившаяся в состоятельной петербургской семье, Е. Н. Туликова (Ошанина, 1911–1982), в начале 1930-х гг. вынужденно работавшая на фабрике, писала о своем «свободном» времени в отпуске: «Всё занималась домашним хозяйством, готовила обеды и стояла в очередях» (ЦГА Москвы. Ф. Л-125. Оп. 1. Д. 22. Л. 83). До середины 1930-х гг. жившая с сестрой и матерью, она делила с ними все домашние обязанности, но как только позволили деньги, мать сразу же наняла прислугу (ЦГА Москвы. Ф. Л-125. Оп. 1. Д. 20. Л. 19 об.). Мать Е.Н.Ошаниной была служащей, но необходимость обеспечения двух дочерей-подростков и неработающего сожителя-мужчины с трудом позволяли использовать труд домработниц, поэтому часть домашних дел лежала на сестрах-школьницах. После неудачного замужества Е.Н.Ошанина долго не возвращалась в родительский дом, но в итоге решила: «...Очень трудно жить совсем одной: масса хлопот, чтобы накормить себя вечером, и много времени тратится на это» (ЦГА Москвы. Ф. Л-125. Оп.1. Д. 23. Л. 85). Видя спасение от переживания разрыва с мужем (китаистом И.М. Ошаниным) в интеллектуальном труде, она закончила в 1941 г. исторический факультет Московского института философии, литературы и истории. Е.Н. Ошанина размышляла о том, что, несмотря на все попытки, предпринятые в первые десятилетия советской власти, создать адекватную систему государственного бытового обслуживания, освобождение женщин от «рабского» труда на кухне оказалось невозможным без использования труда наемных лиц.

Ни у М.В. Нечкиной, ни у Е.Н. Ошаниной не было детей. Между тем появление в семье женщины-ученой даже одного ребенка ставило ее в ситуацию выбора: продолжать научную карьеру (и искать няню) или выкраивать время на воспитание ребенка [Пушкарева, 2014, с. 106–107]. Дневниковые записи заведующей Отделом рукописей РГБ имени В. И. Ленина, историка-архивиста С.В. Житомирской (1916–2002) – ценнейший источник по истории повседневности представительниц интеллектуального труда. Легшие в основу воспоминаний, бесхитростно названных «Просто жизнь», они позволяют представить трудности москвички в поиске домашней прислуги. Лучшей своей домработницей С.В. Житомирская считала няню Васену (В.С. Вострикову). В «коммуналке» вместе с С.В. Житомирской жила и вторая домработница – Нюра. Няня Васена спала на полатах в передней, а Нюра – в десятиметровой комнате

(бывшей ванной) вместе с младшей сестрой, ее мужем и их двумя детьми (*Житомирская*, 2008, с. 178–179). Такие стесненные условия не были для женщин-ученых необычными. В одной комнате с домработницей жила и семья историка-медиевиста Е.В. Гутновой. Отказаться от услуг помощницы семья не могла: в детский сад сына старались не отдавать, а без нее трудно было бы справиться с выполнением научных и преподавательских обязательств (*Гутнова*, 2001, с. 146, 181). Очевидно и то, что отсутствие приватности в жизни компенсировалось возможностью заниматься дома творческим трудом, а также установлением теплых отношений с нанятыми. По словам С.В. Житомирской, няни и домработницы обычно предпочитали помогать женщинам-ученым, чем жить в среде военных (на некоторое время Васена уходила от Житомирской и работала в семье трижды Героя Советского Союза А.И. Покрышкина – *Житомирская*, 2008, с. 111): рядом с хозяйками-учеными домработницы и няни обретали достойное обращение, уважение.

Общий коммунальный быт работодателниц и домработниц стирал социальные различия, сблизая их. Прожив бок о бок не один год в одной комнате, они эмоционально привязывались друг к другу, и эта привязанность могла быть основанием для отношений, продолжавшихся много лет спустя. Но бытовая привязанность могла быть несимметричной: няня Васена, состоя в «профсоюзе рабочих народного питания и общежитий» (С.В. Житомирская ошибалась: в 1950–1960 гг. речь могла идти уже о профсоюзе работников коммунального хозяйства или о профсоюзе работников местной промышленности и коммунального хозяйства), как только получила отдельную квартиру в «хрущевке», сразу дистанцировалась от Житомирских. Она опасалась потерять жилплощадь, если будет ночевать у работодателей, и соглашалась «приезжать только в гости» (*Житомирская*, 2008, с. 278). Для научной работницы С.В. Житомирской такое превращение прислуги в новую знакомую было неприемлемо; с тех пор она нанимала для дочери только приходящих нянь.

В отношении найма домашней прислуги работницы интеллектуального труда (в нашем распоряжении эгодокументы прежде всего женщин-историков, чей профессиональный быт предполагал работу в архивах, библиотеках и дома) следовали, как мы видим, традиции, идущей из дореволюционного быта привилегированных сословий. Дворянка И.И. Любименко, М.В. Нечкина из семьи инженера, Е.Н. Ошанина из состоятельной петербургской интеллигенции, С.В. Житомирская и Е.В. Гутнова - из зажиточных еврейских семей – все они знали «другую жизнь», в которой бытовые хлопоты можно было возложить на прислугу, сохранив себя для научных занятий [*Пушкарева*, 2014, с. 20]. Десятилетия советской власти не вытравили этой памяти, так что и в 1950-е гг. в семьях научных работников ценилась «старая» прислуга, 1900–1910 гг. рождения, имевшая помимо деловых качеств долговременную эмоциональную связь с семьями, в которых работала. Но и годы революционной ломки внесли заметные перемены в «историю найма прислужниц». Далекое не всем интеллектуалкам удавалось найти домработницу из «бывших». Куда чаще попадались бывшие крестьянки и мещанки, считавшие своих работодателниц «кровососами»: таковым было следствие «осовечивания» прислуги и попыток легально встроить этот род деятельности в советскую экономику [*Клоц*, 2012, с. 23]. Не случайно И.И. Любименко, размышляя в конце 1920-х гг. о возможном переезде в Киев в связи с реорганизацией Академии наук, писала, что «самое неприятное – это иметь домработницу...», поскольку все эти «надомные работницы» смотрят на ученых, занятых творческим трудом, как «на паразитов», «как на дойных коров», признаваясь, тем не менее, в своем мягком отношении к нанятым: «Я совершенно не умею защищаться и заставлять работать» (СПбФ АРАН. Ф. 885. Оп. 1. Д. 202. Л. 343). Следствием невозможности передать домашние хлопоты надежной помощнице стало резкое снижение продуктивности работы этой исследовательницы. Дочь знаменитого ботаника, академика Императорской академии наук, И.И. Любименко стала сама вести хозяйство, предпочитая измотанность бытом душевому дискомфорту от общения с «помощницей».

Государство после революции декларировало максимальную защиту прав домработниц в ущерб правам работодателя. Из-за этого многие наниматели, не слишком знакомые с действующим законодательством о прислуге, боялись, что в случае некачественного выполнения домработницей поручений любое замечание в ее адрес могло быть расценено как нарушение прав равноправной с работодателницей советской гражданки. Так, в коммунальной квартире, где

проживала С.В. Житомирская, от мелких гадостей одной из соседок страдали все, кроме домработниц Паши и Васены (им злобная соседка не пакостила, страшась обвиненной в «буржуазном чванстве») (*Житомирская*, 2008, с. 180).

Свою домашнюю прислугу (если не удавалось найти кого-то из «бывших», воспитанных на прежней системе ценностей) немалое число женщин-ученых просто боялось. Близкие знакомые историка и этнолога Ю.П. Аверкиевой, пережившей сталинские репрессии, передавали ее слова о том, что супруг ученой А.А. Петров был отравлен их домработницей в 1949 г., когда репрессированная Юлия Петровна находилась в исправительно-трудовых лагерях [*Нитобург*, 2003, с. 410].

Очевидно, что повседневность лиц интеллектуального труда в досоветский и советский периоды имела не только различия, но и общее – а именно стремление освободиться от хотя бы части домашних дел во имя работы по профессии [*Веремько*, 2019, с. 350–352]. До большевистского социального эксперимента отношения женщин-ученых со своей прислугой складывались традиционно и мало отличались от аналогичных в Европе или США [*Light*, 2008, р. 10–11]. Женщин-ученых до 1920-х гг. было мало, все они были материально обеспечены, могли позволить найм прислуги. Никакого панибратства и претензий на социальное равенство со стороны нанимаемых женщины-интеллектуалки не чувствовали. Вместе с реализацией обещания «кто был никем – тот станет всем» (строка из «Интернационала») бытовая ситуация у женщин-ученых, представительниц средних городских слоев или «бывших» (эксплуататорских классов) кардинально изменилась. Через Институт красной профессуры, рабфаки и иные структуры в науку, в том числе в гуманитарную, постепенно пришло немало женщин из другой социальной среды. У женщин-ученых нового типа не было привычки передавать свои домашние обязанности прислуге. Послереволюционная неустроенность быта заставила и женщин-ученых из среды «бывших» задуматься о том, как обеспечить заботу о себе и близких родственниках, не прибегая к помощи лиц наемного труда, что (как доказали эгодокументы) тут же сказалось на объемах и результатах их исследовательской работы (СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 3. Д. 7. Л. 3).

Распорядок дня женщины-исследовательницы изменился: значительную долю времени стали занимать хлопоты по благоустройству быта, улучшению жилищных условий, обеспечению продуктами и питанием (зарплаты на то, чтобы постоянно питаться вне дома, не хватало). От возможности сократить число повседневных домашних дел, разделить их иногда с мужьями стала зависеть карьера женщины-исследовательницы. С 1930-х гг., с появления советской элиты, «номенклатуры», использование наемного труда в домашнем быту стало социально одобряемой стратегией, которая получила распространение и в среде научной интеллигенции. По разным причинам научные работницы не спешили отдавать детей в сад и пользовались тем, что значительную часть рабочего времени находились дома. Найм домработниц, особенно в период коллективизации, в начале 1930-х гг., был делом несложным. В то же время часть научных работниц отказывалась от прислуги и минимизировала свое общение с ней, поскольку конфликты с прислугой угрожали их психологическому комфорту. Эта тенденция сохранилась в период «оттепели» и стагнации, но в постсоветский период ситуация вновь изменилась: в стране растет количество всевозможных «бюро по найму», возродился институт горничных, нянь, гувернанток [*Лебина*, 2006, с. 74]. Насколько он релевантен образу жизни представительниц интеллектуального труда, еще предстоит выяснить.

Примечания

¹ Исследование поддержано РФФИ, проект 19-09-00191, и НИР ИЭА РАН.

Список источников

Архив Российской академии наук (АРАН). Ф.1820. Оп.1. Д.431.

Багалий Д.І. Харківська доба діяльності Олександри Яковлевни Єфименкової (1879–1906 р.) // Зб. науково-дослідчої катедри історії української культури. Харків : Держвидав України, 1930. Т. 10. С.5-16.

Гутнова Е.В. Пережитое. М.: РОССПЭН, 2001. 462 с.

Житомирская С.В. Просто жизнь. М.: РОССПЭН, 2008. 599 с.

Нечкина М.В. «...И мучилась и работала невероятно»: Дневники М. В. Нечкиной. М.: Российский гос. ун-т, 2013. 822 с.

О митинге прислуг // Правда. 1917. 12 марта. С. 3.

Распределение рабочих и прислуги по группам занятий на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской Империи 28 января 1897 года. СПб.: Б.и., 1905. С. VI–VII.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 569. Оп. 1. Д. 39, 40, 131; Оп.2. Д. 1, 3.

Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф.133. Оп.3. Д.7. Л.3; Ф.885. Оп.1. Д.202, 219.

Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы). Ф. Л-125. Оп.1. Д. 20, 22, 23; Ф. 363. Оп.1. Д.126.

Щепкина Е. Труд и здоровье крестьянки // Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. М., 1998. URL: http://www.owl.ru/win/books/rw/t4_1.htm (дата обращения: 07.11.2020).

Библиографический список

Вахромеева О.Б. Преподавание наук на Высших женских (Бестужевских) курсах (1878–1918). М.: Полит. энциклопедия, 2018. 903 с.

Веретенко В.А. «Безвластная власть»: статус женской домашней прислуги в России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2019. Т. 18, № 2. С. 320–354.

Веретенко В.А. «Дура в доме». Женская домашняя прислуга в дворянских семьях России второй половины XIX – начале XX в. // Адам и Ева. 2013. N 21. С. 241–273.

Веретенко В.А., Тропов И.А. Реформы и микросоциальные процессы в России (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Социально-экономическая и политическая модернизация в России XIX–XX вв. СПб.: Б. и., 2001. С. 55–63.

Громова А.И. Досуг столичной курсистки в России конца XIX – начала. XX в. // Вестник Брянского госуниверситета. 2016. №4(30). С. 30–36.

Клоц А. Домашняя прислуга как социальной феномен эпохи сталинизма: Дис. ... канд. ист. наук. 07.00.02 Пермь, 2012. 197 с.

Кончаковская Н.Б. К вопросу о повседневности юных жительниц городов Пермской губернии (конец XIX – начало XX в.) // Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI вв. М.: Б. и., 2018. Т. 1. С. 104–108.

Лебина Н.Б. Энциклопедия банальностей: контуры, символы, знаки. СПб.: Б. и., 2006. 442 с.

Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Обыватель и реформа: Картины повседневной жизни горожан в годы НЭПа и хрущевского десятилетия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 339 с.

Лесков Н.С. Некуда. 1864. Кн.3, гл.3. URL: http://az.lib.ru/l/leskow_n_s/text_1864_nekuda.shtml (дата обращения: 07.11.2020).

Минева Т.А. Письмо как форма коммуникации между научным сообществом и женщинами-историками во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Пермского университета. История. 2012. Вып. 1(18). С. 246–249.

Нитобург Э.Л. Ю.П. Петрова-Аверкиева: ученый и человек // Репрессированные этнографы. М.: Вост. лит., 2003. Вып.2. С. 399–428.

Пушкарева И.М., Пушкарева Н.Л. Становление женского политического движения в России (1891–1914) // Женщина в российском обществе. 2020. N 2. С. 114–128.

Пушкарева Н.Л. «Нелегко говорить об этом»: женщины-ученые о влиянии занятий научной деятельностью на их личную и семейную жизнь // Вестник Тверского госуниверситета. Сер.: История. 2014. №3. С. 105–119.

Пушкарева Н.Л. «Огонь чужих мыслей и звуки других голосов»: женщины-историки в России 1900–1940 // Российские женщины-ученые: наследие / отв. ред. О.А. Валькова. М.: Янус-К, 2017. С. 120–134.

Пушкарева Н.Л. Когда зарплаты были большими: материальное поощрение советских ученых в 1921–1953 гг. // Российская история. 2016. № 6. С. 69–82.

Пушкарева Н.Л. Общая линия жизни и репрезентация успешности в автобиографиях женщин-ученых // Tractus aevorum. 2014. Т. 1, N 1. С. 15–28.

- Руднева Я.Б.* Студентка в Российской империи: протест, адаптация, интеграция // История и историческая память. 2012. № 5. С. 85–101.
- Самарина Л.А.* Российская прислуга второй половины XIX в. в современной историографии // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 6. С. 105–113.
- Самокиш А.В.* Школьные и инструкторские биологические станции в Петрограде-Ленинграде // Историко-биологические исследования. 2014. Т.6, №1. С. 57–58.
- Ткач О.* Уборщица или помощница? Вариации гендерного контракта в условиях коммерциализации быта // Новый быт в современной России. СПб.: Б. и., 2009. С. 137–188.
- Федосова Э.П.* Бестужевские курсы – первый женский университет России. М.: Педагогика, 1980. 144 с.
- Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм: Социальная история Советской России в 30-е годы. Город. М.: РОССПЭН, 2001. 332 с.
- Ярская-Смирнова Е.Р.* Домашний труд // Словарь гендерных терминов. М.: Информация-XXI век, 2002. С. 88–90.
- Burnett J.* Annals of Labour: Autobiographies of British Working Class. Bloomington, 1974. 364 p.
- Kelly C.* Who'll clean the boots now? Servants and social anxieties in late imperial St Petersburg // Europa orientalis / Universita di Salerno. Salerno, 1997. Т. 16, № 2. P. 9–34.
- Klots A.* The Kitchen Maid That Will Rule the State: Domestic Service and the Soviet Revolutionary Project, 1917–1953: A Dissertation submitted to the Graduate School-New Brunswick. Rutgers, The State University of New Jersey, 2017. 283 p. URL: <https://rucore.libraries.rutgers.edu/rutgers-lib/52217/PDF/1/play/> (дата обращения: 07.11.2020).
- Light A.* Mrs. Woolf and the Servants: An Intimate History of Domestic Life in Bloomsbury. Bloomsbury, 2008. 400 p.
- Pushkareva N.* Private and public aspects of daily life of the first Russian women historians (1810–1914) // Revue de l'Institut des langues et cultures d'Europe, Amérique, Afrique et Asie. 2017. June (№ 29). P. 3–13.
- Rustemeyer A., Siebert D.* Alltagsgeschichte der unteren Schichten im russischen Reich (1861–1914): Komment. Bibliogr. zeitgenössischer Titel u. Ber. über die Forschung. Stuttgart, 1997. 279 S.

Дата поступления рукописи в редакцию 15.03.2020

“DOING HOUSEWORK”: DOMESTIC WORKERS IN EVERYDAY LIFE OF WOMEN-HISTORIANS OF THE 1ST HALF OF THE 20TH CENTURY

N. L. Pushkareva, O. I. Skenova

N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Science, Leninsky av., 32A, 119334, Moscow, Russia
pushkarev@mail.ru
jkzkray@mail.ru

The article focuses on the practices used by the first Russian women-historians in the 1st half of the 20th century to reconcile the main job, i.e. academic researches, and the domestic chores. Based on ego-documents (diaries, memoirs and personal letters), the authors try to reconstruct the main principles and strategies that successful Russian women-historians used for managing their various professional and home duties. The article also analyzes the practices of interaction between women-researchers and their maids who helped them to handle household affairs. Before the Great Revolution, nearly all first Russian women-historians were of noble and rich origin (from the families of intellectual Russian nobility). They did not need to take care of money and could spend time not making a living, but research. Like other women in their position, they used waged labour (cooks, maids, and nannies) to create the conditions for their academic success. The Great Revolution and the Civil War changed the way of life for all the social strata. Those women-historians who chose to stay in their homeland rather than emigrate, had to take care of everyday problems of themselves and their families. Their career became to depend on the opportunity to share the home duties with someone else. When scholars became part of the Soviet elite, using domestic work became a socially upheld behavioral rule. Soviet women-historians hired women from villages who had fled from the collectivization to delegate them their routine domestic chores and to get free time for research and lecturing.

Key words: gender anthropology, women history, everyday life of the 1950s and 1960s, domestic workers.

References

- Burnett, J. (1974), *Annals of Labour: Autobiographies of British Working Class*, Indiana University Press, Bloomington, USA, 364 p.
- Fedosova, E.P. (1980), *Bestuzhevskie kursy - pervyy zhenskiy universitet Rossii* [Bestuzhev's courses – first women university in Russia], Pedagogika, Moscow, Russia, 144 p.
- Fitzpatrik, Sh. (2001), *Povsednevnyy stalinizm: Sotsial'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gody* [Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s], ROSSPEN, Moscow, Russia, 332 p.
- Gromova, A.I. (2016), “Leisure activity of metropolitan girl students in Russia (late 19th – early 20th century)”, *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, № 4 (30), pp. 30–36.
- Kelly, C. (1997), “Who'll clean the boots now? Servants and social anxieties in late imperial St Petersburg”, *Europa orientalis*, Universita di Salerno, Salerno, Italy, Vol. 16, № 2, pp. 9–34.
- Klots, A. (2017), *The Kitchen Maid That Will Rule the State: Domestic Service and the Soviet Revolutionary Project, 1917–1953: A Dissertation submitted to the Graduate School-New Brunswick*, The State University of New Jersey, Rutgers, 283 p, available at: URL: <https://rucore.libraries.rutgers.edu/rutgers-lib/52217/PDF/1/play/> (accessed: 07.11.2020).
- Klots, A. (2012), *Domashnyaya prisluga kak sotsial'noy fenomen epokhi stalinizma* [Domestic servants as the social phenomenon of Stalin's epoch], Extended abstract of PhD dissertation, Perm, Russia, 25 p.
- Konchakovskaya, N.B. (2018), “To the question about the everyday life of young women in the cities of the Perm Governorate (late 19th – early 20th centuries)”, in *Gorozhanki i gorozhane v politicheskikh, ekonomicheskikh i kul'turnykh protsessakh rossiyskoy urbanizatsii XIV–XXI vv.* [Townsmen and townswomen in the political, economic and cultural processes of the Russian urbanization in the 14th – 21st centuries], IEA RAN, Moscow, Russia, Vol. 1, pp.104–108.
- Lebina, N.B. & A.N. Chistikov (2003), *Obyvatel' i reforma: Kartiny povsednevnoy zhizni gorozhan v gody NEPa i khrushchevskogo desyatiletia* [Inhabitants and reforms: scenes of everyday life of citizens in the years of NEP and Khrushchev's decade], Dmitriy Bulanin, St. Petersburg, Russia, 339 p.
- Lebina, N.B. (2006), *Entsiklopediya banal'nostey: kontury, simvoly, znaki* [The encyclopedia of banalities: contours, symbols, signs], n.p., St. Petersburg, Russia, 442 p.
- Leskov, N.S. (1864), *Nekuda* [Nowhere], Vol.3., Ch.3, available at: http://az.lib.ru/l/leskow_n_s/text_1864_nekuda.shtml (accessed 11.03.2020).
- Light, A. (2008), *Mrs. Woolf and the Servants: An Intimate History of Domestic Life in Bloomsbury*, Bloomsbury Press, London, UK, 400 p.
- Mineeva, T.A. (2012), “Letter as the form of communication between the academic society and women-historians in the 2nd half of the 19th – early 20th centuries”, *Vestnik Permskogo universiteta*, Vol. 1(18), pp. 246–249.
- Nitoburg, E.L. (2003), “Yu.P. Petrova-Averkiova: the scientist and person”, in *Repressirovannye etnografy* [The repressed ethnographers], Vostochnaya literatura, Moscow, Russia, Vol.2, pp. 399–428.
- Pushkareva, N. (2017), “Private and public aspects of daily life of the first Russian women historians (1810–1914)”, *Revue de l'Institut des langues et cultures d'Europe, Amérique, Afrique et Asie*, June (№ 29), pp. 3–13.
- Pushkareva, I.M. & N.L. Pushkareva (2020), “The establishment of women's political movement in Russia”, *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, № 4, pp. 104–128.
- Pushkareva, N.L. (2014), ““It is hard to speak about it”: women-scientists about the influence of the scientific activities on their personal life”, *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya*, No. 3, pp. 105–119.
- Pushkareva, N.L. (2014), “The common life line in the autobiographies of women-historians”, *Tractus aevorum*, Vol. 1. No.1, pp. 15–28.
- Pushkareva, N.L. (2016), “When were the salaries big: material encouraging of the Soviet scientists in 1921–1953”, *Rossiyskaya istoriya*, No. 6, pp. 69–82.
- Pushkareva, N.L. (2017), ““The flame of strangers' thought and the sound of other voices”: women-historians in Russia in 1900–1940”, in *Rossiyskie zhenshchiny-ucheny: nasledie* [Russian women-scientists: heritage], «Yanus-K», Moscow, Russia, pp. 120–134.
- Rudneva, Ya.B. (2012), “A girl student in the Russian empire: protest, adaptation, integration”, *Istoriya i istoricheskaya pamyat'*, № 5, pp. 85–101.
- Rustemeyer, A. & D. Siebert (1997), *Alltagsgeschichte der unteren Schichten im russischen Reich (1861–1914): Komment. Bibliogr. zeitgenössischer Titel u. Ber. über die Forschung*, Steiner, Stuttgart, Germany, 279 p.
- Samarina, L.A. (2019), “Russian servants of the 2nd half of the 19th century in contemporary historiography”, *Gumanitarnyy vector*, Vol. 14, № 6, pp. 105–113.
- Samokish, A.V. (2014), “School and instructor biological stations in Petrograd-Leningrad”, *Istoriko-biologicheskie issledovaniya*, Vol. 6, № 1, pp. 57–58.

- Tkach, O. (2009), “A cleaner or a helper? The variations of the gender contract in the conditions of commercializing housekeeping”, *Novyy byt v sovremennoy Rossii* [New everyday life in contemporary Russia], n.p., St. Petersburg, Russia, pp. 137–188.
- Vakhromeeva, O.B. (2018), *Prepodavanie nauk na Vysshikh zhenskikh (Bestuzhevskikh) kursakh (1878–1918)* [Teaching sciences in the High Women Bestuzhev’s Courses (1878–1918)], Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia, 903 p.
- Veremenko, V.A. & I.A. Tropov (2001), “The reforms and micro-social processes in Russia (in the 2nd half of the 19th – early 20th centuries)”, in *Sotsial'no-ekonomicheskaya i politicheskaya modernizatsiya v Rossii XIX–XX vv.* [Social-economic modernization in Russia in the 19th – 20th centuries], n.p., St. Petersburg, Russia, pp. 55–63.
- Veremenko, V.A. (2013), ““A silly woman at home” – women home servants in the noblemen’s families in Russia in the 2nd half of the 19th – early 20th centuries”, *Adam i Eva. Al'manakh gendernoy istorii*, № 21, pp.241–273.
- Veremenko, V.A. (2019), ““Powerless power”: the status of women home servants in Russia in the 2nd half of the 19th – early 20th centuries”, *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*, Vol. 18, № 2, pp. 320–354.
- Yarskaya-Smirnova, E.R. (2002), “Homework”, in *Slovar' gendernykh terminov* [The vocabulary of gender terms], Informatsiya-XXI vek, Moscow, Russia, pp. 88–90.